

С. А. Куспысь

МАСКАРАД ИНКВИЗИЦИИ

ЧАСТЬ 2.
ОБРЕЧЕННЫЕ
ВО ТЬМЕ ВРЕМЁН

Киев
2020

**УДК 821.161
К94**

Куспысь С. А.

К94 Маскарад инквизиции : роман. В 2-х ч.— Киев : Издательство Лира-К, 2020. Ч. 2. — 384 с.

ISBN 978-617-7910-11-3

В книге «Маскарад инквизиции», написанной в захватывающем стиле, присущему этому автору, изображены реальные факты из истории Франции и последней королевской семьи Людовика XVI перед началом Великой Французской революции, переплетающейся с событиями современности.

Журналистку Ингу Королеву и ее детей начинают преследовать неизвестные люди.

Она не может понять, что происходит, и со временем с ужасом узнает, что ее род обречен на смерть массонами еще во времена Великой Французской революции.

Сможет ли Инга выжить в этой неравной борьбе с тайной организацией, спасти своих детей, мы узнаем со страниц этой книги.

Автор предупреждает, что все события в книге вымышленные и любые совпадения с реальными лицами является чистой случайностью.

УДК 821.161

ISBN 978-617-7910-11-3

© Куспысь С. А., 2020

© Издательство Лира-К, 2020

Глава 1.

Аксель Ферзен сидел на стуле, и с сарказмом смотрел на закованного в цепи мужчину, с которого грязными ключьями свисала порванная одежда.

— Ну, что, Шометт, или Анаксагор? Как тебя звать то, непутевый наш?

— Как хотите. Мне наплевать, как Вы будете ко мне обращаться...

— Ой, ой, ой... Ты нас так не пугай, а то я такого оскорбления пережить не смогу. Ну, что будешь выкладывать про своих масонских соратничков, или продолжим допрос с пристрастием?

— Не надо с пристрастием... — Внезапно сдался арестованный.

— И что, — наивно воскликнул Аксель, — даже нам фамилии своих руководителей расскажешь, революционер ты наш несостоявшийся?

Шометт зло сощурил глаза.

— Вы напрасно так дымом исходите, уважаемый. И никто не знает, кто будет смеяться последним...

— А ты нас не пугай, Анаксагор. — Внезапно перестал улыбаться Ферзен. — Тебе, в любом случае, не удастся повеселиться, так как на днях ты добросовестно отправишься на небеса, и будешь там рассказывать о своих подвигах против святых отцов. А после этого и будет повод для смеха... У чертей в аду... — Невинно уточнил офицер. — Так что может быть оставишь в покое свой черный юмор, и попытаешься продлить свои дни на земле грешной? Мы бы были тебе очень благодарны.

Анаксагор с ненавистью сплюнул сгустком черной крови.

— Зубы все повыбивали, сволочи...

— А ты на нас в суд подай. — Беззлобно произнес Аксель. — А то ведь тебя солдаты, невинного барашка, еле в телегу затащили... А двое из них до сих пор еще в себя не пришли. Так что нечего на других пенять, если у самого морда в пуху. Так что давай выкладывай, герой наш сказочный, всю свою историю, от начала до конца. И в первую очередь, когда в масонское ложе вступил, кто тобой руководит, и по чьему повелению могилы гробил, и священников давал приказ своим вырождакам убивать?

— Так у вырождаков и спросите...

— Так они все хором твою кличку поют, Анаксагор. А нас интересуют руководители повыше.

— Вам до них не добраться, Ферзен. Я Вам даю честное слово офицера. Вы напрасно время теряете. Франция все-равно обречена, и Вы ничем не сможете помочь правящей монархии.

— Неужели? А может быть тебя опять на дыбы поднять, чтобы ты изменил свои философские воззрения? Стража!!!

— Не надо! — Крикнул мужчина. — Я Вам и так все расскажу. Только предупреждаю — Вы ничего не измените.

— А мы очень постараемся. Главное, ты не волнуйся. А то ведь и заболеть можно ненароком. — Аксель сдул воображаемую пыль с манжета.

— Так к какому ты братству принадлежишь? — Начал он допрос.

— «Великое братство». Я вступил туда много лет назад.

— Кто руководит этой ложей?

— Это мне неизвестно.

— Я вижу, друг мой лицемерный, правды от тебя мне не добиться. Еще раз совершь, и меня больше тут не будет. И никакие вопли не вернут меня назад. Так что возьми свои мозги в руки, и подумай о собственной судьбе. Будешь говорить правду?

— Буду. — Поджал губы допрашиваемый.

— Так кто руководит ложей «Великое братство»?

— Герцог Орлеанский.

— Ну, вот наконец-то. Только я об этом уже знаю много лет. Меня в этом вопросе другое интересует. Это герцог отдал тебе лично приказ об убийстве священников и уничтожению церквей?

— Нет. Лично с ним я никогда не общался. Я слишком мелкая сошка для этого.

— Так кто же имел честь тебе отдавать указы?

— Я не знаю. — С досадой произнес арестованный. — Мне приходила записка с четкой инструкцией, и я должен был ее безукоризненно выполнить.

— А если бы с тобой пошутили?

— Что Вы имеете ввиду? — Недоуменно спросил мужчина.

— Ну, если бы ты получил ложную информацию, и выполнил волю совершенно чужих для тебя людей? Как ты мог убедиться в том, что записка подлинная?

— На конверте, который мне передавался, всегда стоял тайный знак, и у меня не могло возникнуть никаких сомнений.

— Интересная история... — Ферзен сцепил пальцы.

Он понимал — Анаксагор говорил правду.

— Хорошо. — Произнес наконец-то он. — Тогда назови фамилии тех людей, которые выдвигали открытые лозунги об уничтожении церковей на собраниях масонов?

— Я не знаю, почему Вы называете ложе « Великое братство » масонским. Я очень мало понимаю в таких мудреных словах. Я знаю точно одно — мы исповедывали на собраниях философию благородного Руссо, и какое отношение это имеет к масонам, я не имею малейшего понятия.

Поджав губы, Аксель молча смотрел на арестованного. У него не было никаких сомнений-тот больше ничего не скажет.

Схема была выстроена руководителями масонов безукоризненно. Даже если кого-то из цепочки арестовывали, тот ничего не мог сказать о вышестоящих людях.

— Я что-то не припоминаю, чтобы Руссо призывал к убийствам. — Тяжело вздохнул Аксель. — Ты мне вот что еще скажи, Шометт... — Ферзен сделал паузу. — Кто тебя секретному шрифту обучил?

— Не знаю. — Пожал плечами арестованный. — Мы все на собраниях присутствуем в длинных, серых плащах, с капюшонами. Один раз, после собрания, ко мне подошли, и вручили шрифт, по которому я должен был опознавать письма.

— И что это за знак?

— Простой четырехугольник.

— И все?

— И все. Я даю честное слово.

— Это слишком просто.

— А зачем сложности? — Искренне удивился говоривший.

— Действительно, зачем? — Задумчиво спросил Ферзен. — Так почему же ты так уверен тогда, что правящей монархии скоро придет конец? — Поднял он глаза на допрашиваемого.

— Да в этом уверены почти все здравомыслящие люди. — Небрежно произнес Анаксагор. — Неужели Вы не видите, как растет недовольство в народе, а король не предпринимает даже малейших мер, чтобы предотвратить революцию в стране.

— А чем же тебе лично не угодил король и священники? — Тихо спросил Аксель.

— Я хочу видеть Францию свободной. — Высокопарно произнес допрашиваемый.

— Ну, это конечно, прекрасно. — Перекривил его Аксель. — Только не понимаю, как ты себе это представляешь.

— Очень просто. Не будет королей, не будет никакой власти, и народ будет самостоятельно управлять своей страной.

— И каким же образом, без власти, твой народ собирается править? Ты же, уважаемый, противоречишь сам себе.

— А вы сами отдайте власть народу, и тогда посмотрите, как это будет происходить.

— Да, мне как-то и сейчас неплохо, Анаксагор, и жить в хаосе даже в страшном сне не мечтаю. И придется тебе, уважаемый наш оратор, распрощаться с жизнью, как бы мне не хотелось тебе помочь.

— Но я же все рассказал...

— Но мне это не помогло. Ты же человек у нас честный, вот я тебе и говорю все, как есть. Если бы благодаря тебе, я смог разоблачить все вашу шайку — лейку, это один вопрос. А когда ты мне выдал только то, что мне давно известно, это уже совсем никому не интересно, и от веревки тебя уберечь не сможет. На твоих руках, друг мой неудачливый, кровь святых отцов, и разрушенные церкви. И именно ты руководил своими бешеными псами, и их руками поджигал и убивал также. Так что ждать помилования от короля тебе не приходится.

— А ты королеву свою попроси... — Ослабился арестованный, поняв, что терять ему уже нечего. — Говорят, она тебя послушает.

Он не успел даже выдохнуть, как согнулся от удара в область солнечного сплетения.

Аксель стоял над ним, и брезгливо произнес:

— Ну, как, уже посплетничать не хочется?

— Нет... — Простонал тот.

— А я бы на твоём месте ещё попробовал. Вон палач уже сучает под дверями.

— Всем рот не закроете... — С трудом сдерживая ненависть, произнес Анаксагор.

— А мы и не собираемся. — Успокоил его Аксель. — Репутация королевы абсолютно безукоризненна, и никто не собирается унижать себя поисками таких мразей, как ты. Все имеет свой конец, и свое начало, и рано или поздно они окажутся там, где сейчас находишься ты.

— Вы ошибаетесь... Скоро всем миром будем руководить именно мы, а вы все будете выжжены с лица земли. Неужели не чувствуете своего смертельного конца?

— Не могу тебя утешить — не чувствуем. И даже более того могу сказать точно — мы еще в состоянии бороться с вами, и то, что сегодня вся твоя банда находится в застенках Бастилии, тому доказательство. Так что можешь умирать спокойно — монархия во Франции будет процветать всегда.

— Наш король узурпатор и тиран, и все привилегированные слои общества — его соучастники. В том числе и ты, Аксель. Вы не имеете права на существование, и очень скоро настанут времена, когда все изменится. Ты слеп, если не видишь, что вы уже безнадежно упустили то время, когда можно было спасти прежнюю политическую ситуацию в стране.

— Что ты имеешь ввиду? Уж выплесни свою ненависть полностью. Ты ведь уже понял, что терять тебе нечего.

— Понял. И хочу умереть с достоинством. И поэтому могу сказать открыто — философия Руссо открыла глаза многим на необходимость реформ, и в мировой истории не было еще более подходящего момента для того, чтобы осуществить революционные преобразования. И эти предпосылки созрели именно во Франции.

— Да, я немного ошибся в тебе. — Задумчиво произнес Аксель. — Ты оказывается у нас весьма начитанный, да еще и к тому же кровавый фанат. Твои руководители классные психологи, если поручили операцию по уничтожению религии в стране именно тебе. Я начинаю признавать в тебе достойного противника. А то висел ты до этого времени, как сосиска варенная, и вот как теперь раскрылся... Но я ведь тоже по жизни не дурак, и не могу тебе не ответить на твои умные воззрения. И ты мне благородными лозунгами глаза не замыливай, так как только слепой не может не видеть того, как все ваши усилия направлены не на то, чтобы ускорить реформы, а на то, чтобы их приостановить. Вы делаете все для того, чтобы усилить недовольство в стране, и прийти

к власти любыми способами. Я вас уже давно, сволочей, раскусил, только вот доказательств не хватает, чтобы разгромить вас до основания. Да и масон ваш великий, Вейсгаупт, скрывается, как крыса чумная, по темным задворкам, но мы все-равно вычислим его рано или поздно, каких бы усилий для этого не понадобилось.

— Вы его весьма недооцениваете, — покачал головой арестованный, — это великий человек, к тому же безукоризненно владеющий магией. Он всех вас насквозь видит, и его господство просто неминуето. Вам просто страшно в этом признаться, поэтому вы и мечетесь, как крысы отравленные, а сделать ничего не можете.

— Так значит, ты мне все-таки врал, и кое-какие фамилии тебе известны...

— Конечно. Только вам и это помочь не может. Вы же сами в этом признаетесь.

— Ну, ладно, это уже не важно. Ты тогда уже мне по дружбе искренней ответь на один вопрос.

— На какой? — Насторожился арестованный. Новых пыток ему не хотелось.

— Знаешь ли ты адвоката, лорда Христофа Вредена?

Анаксагор заметно расслабился, и пожал плечами. Этот вопрос для него опасности не представлял.

— Вроде бы видел его пару раз на собраниях... Но точно сказать не могу.

— Почему?

— Ну, как сказать... Я ведь мог и ошибиться. Я же уже говорил — мы все были на собраниях в плащах с капюшонами, брошенными на головы. Несколько раз мне показалось, что это он. Лорд известный в городе человек. Но я мог ошибиться.

— Понятно... И все-таки, честный мой, кое — что ты от меня скрыл.

— Что? — Настороженно произнес допрашиваемый.

— А то, милый ты наш и доверчивый. Мне то уже кое-какие законы ваших масонов известны, и я достоверно знаю — рядовые члены общества «Великое братство» никогда не посвящаются в истинные намерения иллюминатов относительно религии вплоть до получения ими определенных знаний. Так что, насколько я понимаю, передо мною находится человек, достигнувший

ранга старшего иллюмината, и я имею сомнительную честь разговаривать с самим шотландским рыцарем.

— Ничего такого мне не известно... — Стушевался арестованный.

— Да, это понятно. — С сарказмом произнес Аксель. — Зачем же тебе перед смертью получить осуждение своих соратников. Только был ты пешкой, в конечном итоге, и ею останешься, так как все награбленное богатство и власть тебе бы все-равно никогда не отдали. В конечном итоге, тебя бы выжали, и выбросили на помойку, как половую тряпку. И уже сейчас ты можешь в этом убедиться, так как никто не пришел тебе на помощь, когда тебя брали наши солдаты. И казнить тебя будут в тишине и молчании...

— А это мы еще посмотрим... — Глаза арестованного загорелись надеждой.

— Да, тут и смотреть нечего. Ты ведь, кроме фамилий герцога Орлеанского, и самого Вейсгаупта, назвать больше никаких не можешь, а это говорит про одно — никто из вас не знает истинных целей этого страшного ордена, и вы только служите послушным оружием в руках нечистоплотных духом людей. А знание тобою фамилий своих руководителей, ничем им не может навредить. И они об этом прекрасно осведомлены. Самого Вейсгаупта разыскивает полиция нескольких стран, а герцог Орлеанский чуть ли не гордится своей принадлежностью к « Великому братству». А знаешь почему? Его руки, как и самого Вейсгаупта, чисты и не замараны кровью. И никто из них не подбивает вас на кровопролитие и не агитирует в открытую против существующей власти. А вот таких, как ты, дураков, они добросовестно используют, и вашими руками вершат расправу. Ну, умрешь ты завтра, для них ведь ничего не изменится. На твое место придут такие же глухонемые, которых они также поведут на смерть без зазрения совести, как стадо бестолковых баранов. Так вот и подумай на досуге, какую ты жизнь себе избрал, и может быть захочешь исповедаться перед смертью. Тогда священника позови. Я удовлетворю твою просьбу. Правда, если найду хотя бы одного живым после устроенного вами побоища... Прощай, Анаксагор. Паршивую ты жизнь прожил, друг. Но помочь тебе уже ничем не могу. И умрешь ты, покинутый и забытый всеми, и даже после смерти никто про тебя доброго слова не скажет, и не помянет тебя на служении в церк-

ви, так как овца ты паршивая, не более и не менее этого. Ты уж прости меня за откровенность.

Аксель Ферзен устало отвернулся, и вышел из камеры. Все. Допрос закончился. И этот человек его больше не интересовал. Все что мог, он сказал. А впереди было еще много дел. И он сделает все возможное, чтобы разоблачить этих людей и привести на королевский суд. Франция не была его Родиной, но он безумно любил женщину, которой сейчас грозила смертельная опасность, и сделает все для того, чтобы корона осталась на ней навсегда, и даже волос не упал с ее головы.

Лицо Марии-Антуаннеты всплыло перед ним, и он закрыл глаза, прижавшись к сырой стене. Самое страшное заключалось в том, что он не мог даже смотреть в сторону других женщин, и эта роковая и безответная теперь любовь поселилась в душе до конца его бранных дней на этой земле, и он будет рядом с ней и ее детьми столько, сколько для этого ему будет отведено времени Господом.

И в этот момент ему показалось, как зеленые глаза любимой женщины сверкнули в полном мраке подземелья, и ему внезапно стало холодно, и сырой ветер, неизвестно откуда взявшийся в закрытом помещении, пронзил тело Акселя мистическим ужасом.

Господи!!! Что происходит?! К чему было это видение?! Со стучащим от парализующего страха, сердцем, Аксель тихо двинулся к выходу...

Людовик XVI терпеливо выслушал доклад Акселя Ферзена и герцога Лианкура о проведенной операции по задержанию опасных политических преступников.

— Значит, никто из них ничего не может сказать определенно про людей, отдавших им приказ убивать священников?

— Нет. Этого и следовало ожидать, Ваше Высочество. Я уже говорил — схема вербовки этих людей в иллюминаты выстроена идеально, и при выпадении одного человека из этой цепочки, не может повредить обществу, в целом. — Ответил герцог.

— Слишком много тумана в этой секте... — Вздохнул король. — Но каким то же образом необходимо бороться с этими страшными людьми.

— Что будем делать с бунтовщиками? — Спросил герцог.

Король мучительно закрыл глаза. Отдать приказ о казни было выше его сил.

— Пускай эти люди предстанут перед королевским судом. — Наконец-то произнес он. — И пускай народ выбирает наказание этим убийцам, место которых не в цивилизованном обществе.

— Как раз этого они и не отрицают... — Отозвался Аксель.

— Чего? — Удивился король.

— Они не хотят жить среди цивилизации. — Уточнил терпеливо Аксель. — И уничтожение государства и религии, как мы уже знаем, является их первоочередной задачей.

— Тогда пускай живут в тюрьме. — Непривычно жестко произнес Людовик XVI. — Там нет государства, и процветают волчьи законы, как мы с этим не боремся. Может быть, после пребывания в заточении, мировоззрение этих людей значительно изменится?

— Я с Вами не согласен, Ваше Высочество. — Мягко произнес герцог.

— В чем не согласны? — Нетерпеливо спросил король.

— Эти люди должны быть казнены. Их преступление переступило все границы человеческой морали. Убиты десятки священников, разрушенные церкви исчисляются в сотнях, и их казнь мы должны предупредить остальных, желающих посягнуть на существующие порядки в стране.

Король сжал губы, и заложив руки назад, стал ходить быстро по комнате.

— Нет. — Наконец-то твердо произнес он. — Все-таки эти люди должны предстать перед судом. Мы не должны уподобляться этим мужланам. Пускай их судьбу вершит закон.

Больше с королем никто спорить не стал.

— Что вы намерены делать дальше? — Спросил Людовик XVI.

— Искать Вейсгаупта, координируя свои действия с другими государствами. Похоже — у нас другого выхода нет.

— Что говорят шпионы, внедренные вами в общество « Великое Братство»?

— Их собрания по прежнему носят невинный характер, — ответил на вопрос короля, Аксель. — И пока у нас нет оснований арестовывать их участников.

— Нас тревожит обстановка в Париже. — Угромо произнес герцог. — Среди буржуазии появляются люди, в открытую призы-

вающие к революции. Уже такие фамилии, как Дантон, Марат, Робеспьер звучат тревожным колоколом по всему Парижу. Это очень опасные люди.

— Какое они имеют отношение к герцогу Орлеанскому?

— Не знаю, в каких они отношениях с герцогом, но вот с его другом писателем Шадерло де Ланкло, эти люди поддерживают самые дружеские связи.

— Значит, в стране, действительно, веет революцией? — Задумчиво произнес король.

— Да, Ваше Высочество. И лично Вам, как королю, необходимо срочно что-то предпринять и пойти на уступку буржуазии. — Твердо произнес герцог.

— Я уже сказал свою точку зрения. — Тонем, не терпящим возражения, произнес король. — Я согласен на ограничение абсолютизма, на принятие конституции, но не могу допустить отмены привилегий старых сословий, за исключением распределения налогов. Я готов принять принцип политической индивидуальной свободы, но не могу принять ни сердцем, ни душой принцип равенства.

— Я понимаю... — Беспомощно произнес герцог.

Сердцем он разделял точку зрения короля, но никак не мог согласиться с ней разумом. Францию нужно было спасать любыми способами, даже если это будет противоречить заведенными тысячами порядками.

— И еще. — Король присел на край стула, скрестив пальцы рук. — Я уверен — среди моих придворных есть преданные мне и моей жене люди, и я очень вас прошу обоим полагаться не только на мою поддержку, но и на их искреннюю дружбу. Я понимаю, что врага от друга в такой сложной ситуации трудно отличить, но вместе с тем вы должны четко определить круг людей, на которых мы можем положиться в трудное время.

Внезапно в помещение забежала дочка короля, и без всяких долгих размышлений, сразу же уселась отцу на руки.

— Папочка, ты скучал за мной?

Лицо короля озарило такое счастье, что у всех присутствующих невольно дрогнуло сердце. Не оставляло сомнений — Людовик XVI отдаст все ради счастья своих детей.